

П.В. Ильин*

P.V. Ilyin*

**«Никого не выдавать...»:
анализ защитной тактики
обвиняемых на следственном
процессе 1825–1826 гг. и критика
следственных показаний в свете
основных задач изучения декабризма**

doi:10.31518/2618-9100-2020-6-2

УДК 94(47).073

Выходные данные для цитирования:

Ильин П.В. «Никого не выдавать...»: анализ защитной тактики обвиняемых на следственном процессе 1825–1826 гг. и критика следственных показаний в свете основных задач изучения декабризма // Исторический курьер. 2020. № 6 (14). С. 30–52. URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-6-02.pdf>

**“Don’t Give Anyone Away...”:
an Analysis of the Defensive Tactics
of the Accused in the Investigative
Process of 1825–1826 and Criticism
of Investigative Statements in the
Light of the Main Tasks of Studying
Decembrism**

doi:10.31518/2618-9100-2020-6-2

How to cite:

Ilyin P.V. “Don’t Give Anyone Away...”: an Analysis of the Defensive Tactics of the Accused in the Investigative Process of 1825–1826 and Criticism of Investigative Statements in the Light of the Main Tasks of Studying Decembrism // Historical Courier, 2020, No. 6 (14), pp. 30–52. [Available online:] <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-6-02.pdf>

Abstract. Analysis and interpretation of documents from the investigative process of 1825–1826 are an important part of the work of researchers of Decembrism. Recently, “concepts” have been presented that declare almost complete fabrication of the history of secret societies. In the light of these “innovative discoveries”, the accused appear as people who resignedly yielded to the investigators and agreed with the formulations imposed on them – both during the investigation and in their later memoirs. In particular, we are referring to the book by N.D. Potapova “Speaking from their cells: discourse and political strategies of the Decembrists” (2017), which caused a critical response from experts, as well as earlier articles by this author. This article shows that among the arrested there was a coordination of defensive tactics during the investigation, in some cases, the initial accusatory evidence could be leveled out and refuted as a result of a consistently pursued line of defense. Under these conditions, in many cases, acquitting verdicts were delivered, and the suspects were released as “not involved” in the case, although initially there was definite incriminating evidence against them. The facts and evidence presented in the article show that there are no signs of staging the process by the state. The investigation into the case of the Decembrists cannot be considered fabricated, drawing parallels with the political processes of the twentieth century, falsified by totalitarian state machines, seems illegal and unfounded. The article shows the decisive importance of a critical approach to the study of investigative evidence for the scientific reconstruction of the history of the Decembrists movement.

Keywords: the Decembrists; judicial and investigative process; defensive tactics; investigative materials; source studies; criticism of historical sources; staged trial.

The article has been received by the editor on 09.09.2020.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье, имеющей проблемно-постановочный характер, затрагиваются вопросы критики такого сложного исторического источника, как следственные показания

* **Ильин Павел Владимирович**, кандидат исторических наук, Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: pavilyn1970@gmail.com
Ilyin Pavel V., Candidate of Historical Sciences, St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia, e-mail: pavilyn1970@gmail.com

декабристов. Автор останавливает внимание не только на необходимости проверки содержащихся в них данных; важной частью критического анализа является учет линии поведения подсудимого, ее особенностей и изменений в ходе следствия. Тактика защиты подсудимого определяет содержание его показаний, степень доверия к заявленным в них сведениям, влияет на достоверность излагаемых в них данных. Автор выделяет три основные защитные стратегии, к которым прибегали подсудимые декабристы. Первая – демонстрация полной откровенности и согласия с обвинительными инвективами следствия – характерна для группы главных обвиняемых, против которых имелись неопровержимые улики и в отношении которых выдвигалось наиболее тяжелое обвинение. Вторая защитная тактика, свойственная большинству декабристов, против которых были получены существенные обвинительные данные, заключалась в частичном принятии обвинения и неполном признании своей вины. Третья тактика – полное отрицание обвинения и предъявляемых уличающих данных. Она была свойственна тем, против кого имелось меньше улик или тем, кто не принимал активного участия в наиболее «криминальных» эпизодах истории тайного общества. Важно, что данной тактики в разные периоды следствия придерживались некоторые представители первых двух групп обвиняемых, но под напором уличающих свидетельств были вынуждены сменить линию поведения. В статье на конкретных примерах рассмотрены некоторые наиболее показательные и характерные случаи оправдания бывших подсудимых, против которых имелись уличающие показания. Избрание защитной линии поведения определялось индивидуальными особенностями арестованного лица, его представлениями о характере выдвинутого обвинения и возможности избежать наказания, наличием большего или меньшего числа свидетелей-обвинителей и полученных от них уличающих данных. Условия следствия устанавливали базовые рамки поведения для подсудимых, диктовали мотивы поведения и его репрезентации. В статье собраны сведения о фактах предварительного сговора подсудимых и согласования показаний, сделан вывод об определенной свободе выбора защитного поведения в условиях следственного процесса, что позволяет говорить об отсутствии признаков тотальной фабрикации. Следствие и суд над декабристами нельзя считать инсценированными властью, а содержание полученных показаний результатом фальсификации. Об этом говорится в связи с появлением «новой концепции» Н.Д. Потаповой, претендующей на полный пересмотр существующих представлений об истории декабризма и о характере следственного процесса 1825–1826 гг. В статье подвергнуты критике ключевые тезисы и принципиальные основы «новой парадигмы», показана неосновательность подходов к интерпретации следственных показаний и произвольность основных выводов. Одновременно отмечается определяющее значение непредвзятого подхода к изучению следственных показаний и других документов процесса декабристов для научной реконструкции истории декабризма.

Ключевые слова: декабристы; судебно-следственный процесс; тактика защиты обвиняемых; следственные материалы; критика исторических источников; инсценированный процесс.

Следственные показания – важнейший комплекс исторических источников, которыми располагает историк для реконструкции событий движения декабристов. Наряду с документами, синхронными существованию тайных обществ, и мемуарными источниками материалы следствия образуют основной корпус данных, к которому всегда обращались и обращаются исследователи. От того, какие методы применяются при анализе и интерпретации следственных документов, во многом зависят и общая концепция, и фактографическая картина, а также конкретные оценки и наблюдения исследователей, изучающих историю декабристского движения.

Следственные материалы – сложный для изучения источник, о чем неоднократно писали, в т.ч. и историки декабристов¹. Он требует к себе сугубо критического отношения, учета всех факторов, условий и причин его создания, проверки и сопоставления с данными, извлеченными из других показаний подследственного, из показаний других лиц, сравнительного анализа данных, почерпнутых из показаний и других видов исторических документов. Несомненно, одним из важных условий критики следственных показаний, оценки и интерпретации их содержания является анализ и учет *линии защиты, которой придерживался автор следственных показаний* – лицо, оказавшееся привлеченным к следствию. Это особенно значимо в свете того, что на показания подследственных историки опираются в своей научной работе по реконструкции истории тайных организаций, биографий их участников, а в ряде случаев показания являются единственным источником для освещения тех или иных эпизодов в хронике движения декабристов.

Материалы следствия свидетельствуют о нескольких основных линиях (вариантах) защитной тактики обвиняемых на процессе по «делу декабристов». Несколько обобщая и схематизируя, можно представить следующую фиксируемую в следственных показаниях картину.

В общей массе привлеченных к следствию существовала группа главных обвиняемых – лиц, можно сказать, безнадежно скомпрометированных, против которых имелись неопровержимые улики (факт участия в открытом мятеже «с оружием в руках», агитации и увлечения солдат, свидетельства из поступивших доносов, указания на руководящую роль в военном заговоре и т.д.). Часть из них была вынуждена вступить в определенное сотрудничество со следствием, соглашаясь в своих показаниях с предъявленным обвинением в полном объеме или в значительной степени – их защитную тактику можно характеризовать как *полное или практически полное признание обвинения*. Можно полагать, что к этой группе относились М.П. Бестужев-Рюмин, С.И. и М.И. Муравьевы-Апостолы, Е.П. Оболенский, П.И. Пестель, К.Ф. Рылеев, С.П. Трубецкой и некоторые другие. Исследователи последних лет показали, что сотрудничество главных обвиняемых со следствием имело под собой вполне конкретную определяемую основу, следы которой обнаруживаются в показаниях и письмах, написанных в период следствия. Речь идет о том, что главным обвиняемым были обещаны избавление от грозившей им смертной казни, значительное смягчение наказания и даже «прощение» императором их несомненной «виновности», в обмен на согласие с обвинением и «полную откровенность»². Для процесса по государственным преступлениям это означало готовность признать обвинение по «первым двум пунктам» (умысел на жизнь императора и «бунт», т.е. заговор и открытое выступление против власти)³. Под эти два основных обвинения подбирались уличающие показания, по этим направлениям шло накопление данных для будущего суда, этими сюжетами в основном интересовалось следствие. Таким образом, «откровенность» этой группы безнадежно уличенных лиц касалась главным образом вопросов о планах цареубийства и подготовки открытого мятежа – главным обвинениям на процессе декабристов. По этим вопросам следствие добивалось признаний и подтверждений «виновности», и в этом отношении часть подследственных, оказавшихся по указанным двум пунктам наиболее виновными, испытывали самое серьезное давление следователей, вынуждавших отражать в показаниях определенные формулировки и оценки того или иного реального эпизода, задуманного плана, принятого решения и т.д. В этом случае открывалась возможность для искажения в формулировках следственных показаний реально произошедших событий, слов и поступков обвиняемых – искажения, способного «подвести» подследственных под обвинение «первых двух пунктов». Таким образом,

¹ См., например: *Нечкина М.В.* Предисловие // Восстание декабристов (ВД). М., 1950. Т. IX. С. 10; Предисловие // ВД. М., 1953. Т. X. С. 10; Предисловие // ВД. М., 1969. Т. XII. С. 8; *Федоров В.А.* «Своей судьбой гордимся мы»: следствие и суд над декабристами. М., 1988. С. 9.

² *Боленко К.Г., Самовер Н.В.* Верховный уголовный суд 1826 года: декабристская версия в историографической традиции // Пушкинская конференция в Стэнфорде. Материалы и исследования. М., 2001. С. 152–153.

³ Всеподданнейший доклад Верховного уголовного суда от 8 июля 1826 г. // ВД. М., 1980. Т. XVII. С. 217, 218–219.

главные обвиняемые, согласно общей политике следствия, в определенном отношении являлись источником уличающих свидетельств друг для друга и для иных групп подсудимых. Следует, по-видимому, признать, что некоторая часть главных обвиняемых на процессе декабристов в разной степени приняли «правила игры» следствия и стали поддерживать предъявляемые обвинения, в надежде обменять свою «откровенность» на обещанное им смягчение приговора или царское прощение.

При этом нужно сделать существенную оговорку, основанную на изучении следственных показаний представителей этой группы. Демонстрируемая «откровенность» и даже готовность признать и поддержать обвинение вовсе не означали, что П.И. Пестель и другие представители этой группы открывали перед следствием все интересующие его эпизоды и поддерживали любые уличающие данные. При анализе показаний открывается несколько другая картина. Как правило, признавая то или иное обвинение (в отношении себя или других скомпрометированных обвиняемых), главные «виновники» могли отвергать другие уличающие показания, например – категорически отрицать наиболее опасные улики, касающиеся мало замешанных лиц, и т.д. Вообще следует отметить, что демонстрируемые в ходе следствия довольно большим числом декабристов «чистосердечное раскаяние», заверения в «полной откровенности» и нередко наблюдаемую чрезмерную подробность в показаниях нельзя приравнять к раскрытию подлинных обстоятельств во всей их полноте. Описания событий даже в подробных, насыщенных фактографией следственных показаниях остаются, тем не менее, дискретными, противоречивыми, содержат в себе разного рода «фигуры умолчания», приемы ухода от прямых ответов и создают лишь видимость «исповедального» нарратива. Риторика заверений в своей «полной откровенности» и «чистосердечном раскаянии» нередко соседствует с отрицанием того или иного предъявляемого обвинения. Другими словами, даже применительно к этой группе «вынужденно откровенных» подсудимых, придерживавшихся тактики признания основных обвинений, исследователь не может с уверенностью утверждать, что эти подсудимые описывали в своих показаниях подлинную картину событий, открывали все подлежащие наказанию с точки зрения следствия «криминальные эпизоды» в истории тайных обществ. Данный вопрос крайне сложен для изучения и требует большого объема сопоставительного анализа для восстановления подлинной и полной картины событий, искаженной следствием⁴.

Эмоциональное восприятие процесса по делу декабристов, согласно которому арестованные наперебой признавались во всех «преступлениях» и открывали все возможные уличающие обстоятельства, полностью соглашаясь с выдвинутыми обвинениями, следует отнести к области историографической мифологии. Так, в свое время привлекли к себе большое внимание эмоциональные оценки П.Е. Щеголева, ужаснувшегося с позиций человека своей эпохи многословности, «раскаянию» и «откровенности» многих обвиняемых на процессе декабристов: «Привлеченные к следствию заговорщики – от прапорщика до генерала – не проявили никакой стойкости и с удивительной безудержностью спешили поведать своим судьям все тайные действия, все слова <...> все мысли, даже самые сокровенные; спешили назвать возможно больше имен, хорошо зная, что всякое указание влечет за собой арест; не останавливались по временам даже перед наветами и оговорами своих товарищей и раскаивались, раскаивались без конца. Следователи без особых усилий добивались от своих подсудимых ответов на все вопросы <...> огромное большинство декабристов выказало самое настоящее малодушие»⁵. За такого рода восприятием поведения декабристов на следствии стоят чрезмерно преувеличенные моральные оценки, выработанные согласно кодексу поведения представителей организованных радикально-революционных партий, привлеченных к политическим процессам в более позднее время, а значит – характеристики, модернизирующие реалии следственного процесса начала XIX в. Эти оценки не находят себе

⁴ Искажение реальной картины событий включало в себя выдвигание на первый план тех описаний, которые содержали в себе материал для обвинения по «первым двум пунктам», в ущерб другим реально имевшим место действиям, планам, решениям.

⁵ Щеголев П.Е. Декабристы. М.; Л., 1926. С. 138.

полного подтверждения и существенно корректируются при обращении к корпусу следственных показаний декабристов в его совокупности, что показано на многих примерах В.А. Федоровым⁶.

В любом случае, нельзя не отметить тот факт, что даже среди безусловно скомпрометированных «главных обвиняемых» были лица, скрывавшие часть «уличающих данных», молчавшие о тех или иных обстоятельствах и не соглашавшиеся признать себя виновными по отдельным предъявленным пунктам обвинения⁷. Таким образом, при всей «откровенности» показаний и готовности к изложению событий в том виде, в каком это требовалось следователям, представляется возможным утверждать, что далеко не все наиболее скомпрометированные обвиняемые на процессе декабристов (и далеко не во всех случаях) покорно принимали формулировки следствия и соглашались поддержать «пункты обвинения».

Но существовали и другие стратегии защиты. Наряду с линией «откровенных показаний», которая достаточно характерна для главных обвиняемых, большая группа подсудимых (можно утверждать, основная их часть) придерживалась различных вариантов тактики «частичного признания вины». Эта тактика подразумевала признание некоторой части уличающих данных, но одновременно – отрицание других «уличающих эпизодов» или снижение их значимости с точки зрения обвинения. О различных приемах отрицания и переинтерпретации обвинительной информации со стороны подсудимых декабристов нам уже приходилось писать⁸. Цель этой защитной тактики вполне понятна – признать эпизоды, наименее опасные с точки зрения обвинения (или те, которые невозможно не признать), но при этом по возможности защитить себя от наиболее тяжелых обвинений (участие в планах царевубийства, знание о них, участие в подготовке военного выступления). Судя по всему, имели место и морально-этические соображения – не называть имена друзей и сослуживцев, не увеличивать количество показаний, могущих привести к утяжелению вины других лиц, не подводить их под тяжелую степень виновности и т.п.

Не менее классическими, чем хлесткие фразы П.Е. Щеголева, но совсем в противоположном роде, стали более взвешенные, опирающиеся на глубокий и внимательный анализ следственных показаний оценки «линии защиты» на следствии одного из главных обвиняемых – Никиты Муравьева, принадлежащие Н.М. Дружинину: «...Под маскою внешней откровенности, в форме сухого, но обстоятельного рассказа они [показания. – П. И.] заключают в себе строгий расчет и обдуманную тактику. По содержанию поставленных вопросов Н. Муравьев быстро улавливает, о чем можно открыто высказываться и о чем следует безнаказанно умолчать. Учитывая создавшуюся обстановку – последствия чужой откровенности, неуязвимость отсутствующих членов, важность того или иного события, Н. Муравьев старается искусно маневрировать между подводными камнями политического процесса. Без нужды он не забегает вперед, но старается всюду, где можно, сохранить инициативу первого определяющего показания. Он дает “Историческое обозрение хода Общества”, предупреждая новые вопросы искусной и односторонней комбинацией событий; почти нигде он не лжет, но умело замалчивает и затушевывает явления; а там, где он не может быть проверен

⁶ Федоров В.А. «Своей судьбой гордимся мы»... С. 175–196.

⁷ Ярким примером служат показания Г.С. Батенькова, Н.А. Крюкова, М.С. Лунина, И.И. Пущина, Ф.П. Шаховского, долгое время отвергавших часть обвинительного материала или даже все обвинение полностью. Ф.П. Шаховской так и не согласился с основными пунктами обвинения, ему предъявленного, и был осужден без собственного признания в «вине» (ВД. Т. XVII. С. 136–137). Как известно, одним из главных мотивов сокрытия части «уличающих данных» являлось нежелание увеличивать «виновность» других лиц. Многие обвиняемые отрицали уличающие данные о других подсудимых, прибегая к разного рода приемам. Например, И.И. Пущин сообщал следствию, что его принял в тайное общество некий офицер Беляев, которого, как выяснилось позже, вовсе не существовало. Таким образом, он пытался не дать обвинительный материал против И.Г. Бурцова (ВД. М.: Л., 1926. Т. II. С. 206, 210, 232–233).

⁸ Ильин П.В. Обманувшие следствие: к изучению методов и приемов защиты обвиняемых на процессе декабристов 1825–1826 гг. // Отечественная история и историческая мысль XIX–XX веков: сб. ст. к 75-летию Алексея Николаевича Цамутали. СПб., 2007. С. 185–195.

<...>, он становится намеренно лаконичным и решается на отрицание несомненных, документально установленных фактов»⁹.

Н.М. Дружинин установил важнейшие принципы, а также практические приемы, положенные в основу тактики «частичного признания вины» – когда подследственный, соглашаясь с неопровержимыми уличающими показаниями (или их частью), отрицал или ослаблял значение других обвинительных свидетельств, в особенности тех, что способствовали усилению его «виновности». К числу основных принципов этой защитной тактики следует отнести демонстрацию «внешней откровенности», ограничение существа показаний тематикой вопросных пунктов, стремление к первому «определяющему показанию», к числу конкретных приемов защиты – сокрытие части фактов и обстоятельств, лаконичность в изложении эпизодов, служащих обвинению, отрицание части предъявляемых уличающих свидетельств, переинтерпретация обвинительных показаний, направленная на нивелирование их значения, изложение событий под определенным углом зрения, имеющее целью скрыть часть фактов или ослабить значимость показания с точки зрения обвинения¹⁰.

К тактике «частичного признания виновности» прибегала, насколько можно судить, значительная часть подследственных, включая тех, кто входил в категорию «безнадежно уличенных» главных обвиняемых. Последние, в тех или иных ситуациях, находили возможным отрицать часть предъявляемых обвинительных данных (например, в случае показаний в отношении других лиц).

Именно вследствие того, что большинство арестованных декабристов придерживались различных вариантов «частичной откровенности», так трудно и противоречиво складывается общая картина событий, поскольку в следственных материалах одни и те же эпизоды трактуются и описываются по-разному, будучи предметом умолчания в одних показаниях и, напротив, раскрываясь под определенным углом зрения – в других.

Таким образом, рассматривать показания основной массы обвиняемых на процессе декабристов в качестве полностью достоверных, раскрывающих описываемые в них факты и обстоятельства в полной мере и «так, как было на самом деле», не представляется возможным. То же можно сказать и о самих подследственных – оценивать их как неких «статистов», ничего не скрывающих после своего «раскаяния» и безоговорочно принимающих обвинительные данные, выдвигаемые следствием – нет никаких надежных оснований, противоречит отразившимся в следственных показаниях определяющим чертам защитных «линий поведения».

Наконец, необходимо обратить внимание на третью защитную тактику, которую можно выделить, изучая показания декабристов на следствии. Речь идет о *полном отрицании*, которое трактовалось следователями по-разному в зависимости от конкретных обстоятельств. В одних случаях отрицание оценивалось как «запирательство», что грозило подследственному определенными мерами воздействия (содержание «в железках», на хлебе и воде и т.д.) и отягощением обвинения, в других случаях – как убедительное доказательство невинности, что приводило, в конечном счете, к оправданию. Оценка следствием полного отрицания как «запирательства» или как «доказательства невинности», насколько можно судить, зависела от количества уличающих показаний, значимости их содержания с точки зрения обвинения, а также от того, кто был автором этих показаний.

Далее мы подробнее остановимся на линии «полного отрицания» и степени ее эффективности при решении участи подследственных, которые придерживались этой защитной тактики. Рассмотрение данного сюжета позволит нам сделать выводы о следствии по делу

⁹ Дружинин Н.М. Декабрист Никита Муравьев // Дружинин Н.М. Революционное движение в России XIX в. М., 1985. С. 201. На следующих страницах (С. 202–203) приводятся некоторые конкретные слагаемые линии защиты Н.М. Муравьева и характеризуются его следственные показания.

¹⁰ Изучение методов и приемов защитного поведения декабристов на следственном процессе не входит в задачу настоящей статьи и составляет предмет отдельного исследования. См. также наш обзор приемов защитной тактики декабристов на следствии: Ильин П.В. Новое о декабристах. Прощенные, оправданные и необнаруженные следствием участники тайных обществ и военных выступлений 1825–1826 гг. СПб., 2004. С. 162–197.

декабристов в целом: применимы ли к нему оценки, относящиеся к полностью сфабрикованным (инсценированным) процессам?

Современные исследователи К.Г. Боленко и Н.В. Самовер, обсуждая вопрос о поведении декабристов на следствии, высказали мнение: «...Никто из них не готовился к процессу (не анализировал свои показания, не продумывал тактику защиты и т.д.)»¹¹. Мы полагаем, что есть доказательства обратного. Материалы следствия и мемуарные источники содержат достоверные указания о случаях предварительного сговора будущих подследственных с целью «запирательства» – отрицания, сокрытия подлинных обстоятельств. Документально зафиксированы «советы» придерживаться полного отрицания на допросах и в письменных показаниях. Так, В.П. Зубков свидетельствует о сделанном ему предложении держаться тактики полного молчания; такое предложение по дороге из Москвы в Петербург высказал П.А. Муханов, уже будучи арестованным. Зубков вспоминал: Муханов «думая, вероятно, что я принадлежу к обществу, сказал мне, что не надо ни в чем признаваться»¹². Воспоминания Н.В. Басаргина содержат прямое указание на предварительный «сговор» об отказе от «признательных» показаний, который был предложен Ф.Б. Вольфом¹³. Договоренность о полном отрицании существования тайного общества была заключена перед арестом группой офицеров, служивших при штабе 2-й армии. Эта договоренность распространилась на широкий круг членов Южного общества. Следствию о ней сообщил П.И. Фаленберг: согласно его показанию, он и другие перед арестом согласились ничего не открывать на допросах о тайном обществе. Они полагали, что «можно спастись, если не признаваться, ибо доказательств <...> быть не может», а обвинителям «уличить нет возможности»¹⁴. Офицеры-моряки Гвардейского экипажа (А.П. и П.П. Беляевы, В.А. Дивов и др.) согласовывали свои показания, находясь уже под арестом – их поместили в одно помещение. Об этом узнали руководители следствия, после чего офицеров рассадили по одиночным камерам Петропавловской крепости¹⁵. В деле П.Ф. Выгодского сохранилось свидетельство о наличии в бумагах подследственных особых наставлений, которые заключали в себе правила поведения при допросах – очевидно, на случай ареста. В отношении сенатора П.Г. Дивова (разбравшего по поручению следствия бумаги П.Ф. Выгодского и Ю.К. Люблинского и переводившего их с польского языка) к А.И. Чернышеву от 14 марта 1826 г. говорилось: «В присланных Вашим превосходительством бумагах Юлиана Люблинского и Выгодского не нашел я много замечательного, однако же черновой отпуск, или проект, наставления, как действовать при допросах, обратит, без сомнения, внимание ваше <...> Сие странное и непонятно в какой цели сочинение вероподобно откроет некоторые замыслы...»¹⁶. К сожалению, упомянутое «наставление» не обнаружено.

Приведенные свидетельства сами по себе симптоматичны: они говорят о том, что будущие подследственные задумывались над выработкой конвенциональной защитной тактики на случай ареста и расследования по делу о «государственном преступлении», а в условиях уже начавшегося процесса пытались согласовать свои показания. Многие из подследственных имели возможность в той или иной степени подготовиться к допросам. Кроме того, они могли опираться на сложившиеся в русском обществе шаблоны поведения на следственных процессах политического характера, традиционные формулы отрицания предъявляемого обвинения – такие, например, как «знать не знаю, ведать не ведаю»¹⁷.

¹¹ Боленко К.Г., Самовер Н.В. Верховный уголовный суд 1826 года... С. 156.

¹² Зубков В.П. Рассказ о моем заключении в Санкт-Петербургской крепости // Петропавловская крепость: Страницы истории. СПб., 2001. С. 191.

¹³ Басаргин Н.В. Воспоминания, рассказы, статьи. Иркутск, 1988. С. 82.

¹⁴ ВД. Т. XII. С. 120, 124–125; М., 1975. Т. XIII. С. 28; М., 1954. Т. XI. С. 385, 395.

¹⁵ ВД. М., 1976. Т. XIV. С. 302.

¹⁶ ВД. Т. XIII. С. 389. М.В. Нечкина писала в связи с этим: «Конечно, принятые заранее правила не были осуществлены в условиях тяжелого заключения в Петропавловской крепости, допросов и очных ставок, но самый факт попытки предварительного сговора заговорщиков заслуживает внимания» (Нечкина М.В. Предисловие // Восстание декабристов... С. 16).

Мотивация защитной тактики в делах по обвинению в «государственных преступлениях» не вызывает сомнений: необходимо было, скрыв от расследования наиболее опасные факты и обстоятельства, не давать оснований к серьезным обвинениям и, таким образом, пытаться избежать тяжелого наказания. В данном случае, на процессе 1825–1826 гг. речь шла не только о планах царевубийства, но и о самой принадлежности к антиправительственному заговору и тайному обществу, имевшему политическую цель. В связи с этим неудивительно, что в общей массе привлеченных к следствию обвиняемых имелась категория лиц, полностью отрицавших свою принадлежность к декабристскому обществу и знание его политической цели в течение всего процесса, некоторые пытались следовать этой линии защиты на первых допросах.

Следы первоначальных соглашений о «молчании» или первоначально принятой тактики полного «молчания» должны были отразиться в первых показаниях. Действительно, степень откровенности арестованных на первом допросе, как известно, была сравнительно незначительной. Только часть декабристов на первых допросах открывали факты и обстоятельства, служившие серьезному обвинению. Основная же масса арестованных прибегала к тем или иным «фигурам умолчания» и уклончивым (неполным, неоткровенным) ответам. Об этом говорят и мемуарные свидетельства подследственных (как оказавшихся в Сибири, так и избежавших тяжелых наказаний).

Так, М.И. Пущин, согласно его утверждениям в «Записках», вооружился перед первым допросом «всевозможными отрицаниями». Сделал он это потому, что не знал, арестован ли старший брат, вовлекший его в тайное общество; по собственному признанию, на первом допросе он скрыл свое участие в заговоре¹⁸. Михаил Пущин, разумеется, не был одинок в стремлении предельно ограничить сообщаемую информацию на первом допросе, скрыв собственную осведомленность о целях и составе участников военного заговора. Характерны в этом смысле показания его брата Ивана Пущина, который не желал назвать членов учрежденного им «Практического союза», поскольку, по его мнению, обстоятельства, связанные с этим обществом, не входили в круг расследуемых вопросов. Нередко подследственные в качестве активных заговорщиков называли уже умерших товарищей (вероятно, с целью скрыть деятельность других лиц), а иногда – вводили следователей в заблуждение, сообщая вымышленные имена, как это сделал тот же И.И. Пущин. Еще более показательна хорошо известная в литературе позиция, занятая И.Д. Якушкиным, который в начале процесса строго держался правила не называть никого, объясняя это тем, что связан честным словом¹⁹.

Следует признать: в большинстве случаев тактика полного отрицания наиболее отчетливо прослеживается в первых по времени следственных показаниях. Причины этого понятны: арестованные в первые дни расследования еще не имели полного представления о степени информированности следователей об имевшихся против них уличающих данных, поэтому старались скрыть от внимания следствия как можно больше.

Однако во многих случаях соглашения о «запирательстве» и попытки использовать тактику «полного отрицания», как известно, оказались безрезультатными. Констатируя это, важно отметить, что «полное отрицание» на первых допросах стремились применить и отдельные представители первых двух групп подследственных, о которых говорилось выше – те, кто вынужден был придерживаться различных вариантов «признания виновности» или «частичного признания». Но под тяжким грузом уличающих данных, чтобы избежать обвинения в «запирательстве», поддавшись на убеждения следователей в необходимости «полной откровенности» (как единственному пути к обещанному смягчению наказания) – они перестали следовать своему первоначальному намерению и отказались от категорического отрицания предъявлен-

¹⁷ См. упоминание этой формулы, например, в воспоминаниях Д.И. Завалишина: *Завалишин Д.И. Воспоминание о Грибоедове // Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1980. С. 139.*

¹⁸ *Пущин М.И. Из «Записок» // Пущин И.И. Записки о Пушкине. Письма. М., 1989. С. 408–409.*

¹⁹ ВД. М.; Л., 1926. Т. III. С. 48, 51–54; *Якушкин И.Д. Мемуары. Статьи. Документы. Иркутск, 1993. С. 134–136, 142–143.*

ного обвинения²⁰. Хорошо известны первоначальные показания Н.А. Крюкова, П.И. Пестеля, А.П. Юшневского и других, отрицавших на первых допросах существование политического тайного союза²¹. Наиболее показательный пример многомесячного «запирательства», несмотря на полученные следствием многочисленные обвиняющие данные, дает дело С.М. Семенова²². В этом и других подобных случаях тактика «полного отрицания» не увенчалась успехом – в первую очередь, из-за большого числа улик, заставлявших следствие настойчиво добиваться «чистосердечного раскаяния» и «откровенности» обвиняемого с помощью разного рода средств: очных ставок, повторных допросов с привлечением новых улик, ужесточения режима содержания, обещаний помилования или, напротив, угроз тяжкого наказания, увещаний священников, других мер психологического и физического воздействия.

Количество известных случаев отрицания обвинительной информации существенно возрастает, если обратиться к следственным делам тех лиц, кто не был осужден и относится к другим категориям подсудимых (административно наказанные, освобожденные от наказания, признанные невиновными). Так, наказанный во внесудебном порядке А.Н. Фролов на протяжении всего следствия отрицал свою принадлежность к декабристской конспирации вопреки показаниям других участников тайного общества. Следователи, однако, ему не поверили, признав полноправным членом Южного общества: несмотря на отсутствие личного признания, А.Н. Фролов подвергся наказанию. А. Мартынов также не признал своего членства в Южном обществе, в то время как другие лица, включая принявшего его в тайное общество Н.Ф. Заикина, свидетельствовали об обратном²³. Примеры полного или частичного отрицания обвинения в категориях наказанных без суда или освобожденных от наказания наиболее многочисленны.

Очевидно, применявшиеся на процессе способы побуждения к «откровенности» оказывали не такое существенное влияние на старших по возрасту подсудимых, имевших некоторый жизненный опыт. По нашим наблюдениям, представители старшего поколения участников движения декабристов более последовательно отрицали уличающие свидетельства, в особенности те, которые вели к серьезным обвинениям, и в конечном итоге значительно смягчили свое наказание²⁴. Участники Союза благоденствия (наказанный без суда Ф.Н. Глинка, освобожденные от наказания его ближайшие товарищи Ф.П. Толстой и Н.И. Кутузов) отрицали политический характер тайного союза и свое участие в политических планах заговорщиков. В отношении Ф.Н. Глинки и Н.И. Кутузова публикатор их следственных дел А.В. Семенова отмечает: «Кутузов и Глинка, старые товарищи, вероятно, согласовали заранее свои ответы на случай ареста Перетца и его возможных признаний <...> он [Глинка. – П. И.] и Кутузов одновременно находились на свободе более месяца». Основанием для этого вывода стало то обстоятельство, что «Кутузов дал ответы, полностью совпадающие с показаниями Глинки»²⁵. В результате Н.И. Кутузову и Ф.П. Толстому удалось избежать репрессий, Ф.Н. Глинке было назначено административное наказание. Сходной тактики придерживались бывшие руководители Союза благоденствия И.А. Долгоруков и И.П. Шипов, но под напором уличающих показаний были вынуждены признать, что на собраниях членов Союза обсуждались политические вопросы; оба были прощены, но, судя по всему, особым решением императора²⁶. В числе тех, кому удалось оправдаться от опасных обвинений в знании политических целей и планов выступления 14 декабря 1825 г., нужно упомянуть А.В. Семенова: благодаря его настойчивому, последовательному отрицанию

²⁰ Яркое свидетельство драматического выбора, стоявшего перед арестованным – следовать линии полного отрицания или признать факт участия в политическом заговоре в обмен на последующее смягчение участи – представляет собой запись о первом допросе Н.И. Лорера в Главной квартире 2-й армии в Тульчине (ВД, М.; Л., 1927. Т. IV. С. 44).

²¹ ВД, Т. IV. С. 45; Т. XI. С. 362–369. Случаи длительного «запирательства» рассмотрены В.А. Федоровым (Федоров В.А. «Своей судьбой гордимся мы»... С. 175–196).

²² ВД, М., 1984. Т. XVIII. С. 170–181.

²³ ВД, М., 2001. Т. XIX. С. 205, 213.

²⁴ Ильин П.В. Новое о декабристах... С. 109–110, 118–120, 122–126.

²⁵ ВД, М., 2001. Т. XX. С. 507.

²⁶ Ильин П.В. Новое о декабристах... С. 119–120.

уличающие показания Е.П. Оболенского и И.И. Пущина были сочтены «неосновательными». Такой же показательный случай дает расследование в отношении А.А. Тучкова, который признался лишь в участии в Союзе благоденствия и знании «нравственной», но не политической цели тайного общества, хотя ему пришлось пройти через очные ставки с обвинителями, утверждавшими противоположное. Тем не менее, несмотря на уличающие данные о его членстве в Северном обществе, Тучков был освобожден после кратковременного административного наказания – месячного заключения под арестом²⁷.

Для лиц, не принадлежавших к руководящим или активным членам тайных обществ, для тех, кто не был замешан в ключевых совещаниях и эпизодах заговора, открывались пути для более категоричных «отрицаний». А.В. Капнист первоначально полностью отверг свое участие в политическом тайном союзе, но затем был вынужден это признать, равно как и факт предложения о вступлении в Южное общество, сделанного ему М.П. Бестужевым-Рюминым. Участник одной из дочерних организаций Союза благоденствия Н.Д. Сенявин (сын флотоводца Д.Н. Сенявина), уже прошедший через испытание допросами во время расследования доноса А.Н. Ронова (1820 г.), несмотря на имевшиеся показания о членстве, отрицал это до конца расследования (наказан без суда)²⁸.

Исходя из приведенных наблюдений, можно заключить, что многие подследственные ставили своей задачей полностью отрицать свое участие в деятельности конспиративного союза, чтобы отвести от себя обвинение и избежать тяжелого наказания. Очевидно, эти лица не питали никаких иллюзий относительно того, к каким последствиям могут привести «откровенные признания» на процессе по делу о «государственных преступлениях». Однако часть из них потерпела неудачу из-за имевшихся у следствия основательных уличающих свидетельств.

В связи с этим вполне обоснованной представляется постановка вопроса о тех участниках тайных обществ, которым тактика отрицания принесла положительный результат, способствуя (по терминологии следствия) «полному очищению» от «подозрений». Что позволило успешно преодолеть недвусмысленные и вполне конкретные уличающие свидетельства? Рассмотрим это на нескольких примерах.

Пожалуй, наиболее известный в исторической литературе случай оправдания обвиняемого, против которого имелись прямые свидетельства о принадлежности к декабристскому обществу, дает дело А.С. Грибоедова. О принятии его в Северное общество показали его руководители Е.П. Оболенский и С.П. Трубецкой, ссылаясь на уведомление третьего члена Думы К.Ф. Рылеева; последний давал противоречивые показания по этому вопросу, однако в них прозвучало признание в том, что Грибоедову было предложено вступить в тайный союз. Рылеев, правда, на допросах ссылался на «несовершенный» (незаконченный?) прием в декабристскую организацию. Грибоедов настойчиво и последовательно отрицал эти показания до конца процесса, и следователи в конечном счете признали полученные уличающие данные недостаточными для обвинения²⁹. Историки констатируют, что ответы Грибоедова не касались наиболее опасных моментов, которые содержали вопросные пункты, составленные на основе полученных следствием показаний. Зачастую он просто игнорировал вопросы о том, что ему было известно о персональном составе и намерениях тайного общества. В некоторых случаях обнаруживаются прямые подтасовки фактов: М.В. Нечкина привела примеры заведомо ложных показаний³⁰. Есть и такие показания Грибоедова, которые

²⁷ ВД. Т. XX. С. 391–392, 544–546, 316–331.

²⁸ Там же. С. 101–102, 335–336, 422–423, 426, 433–434, 476–484.

²⁹ См. подробнее об этом: Ильин П.В. Новое о декабристах... С. 182–212.

³⁰ В ответ на показание Е.П. Оболенского о времени приема Грибоедова в тайное общество («дня за три» до отъезда последнего из Петербурга) тот отвечал, что речь идет о приеме не в тайное политическое, а в разрешенное литературное общество. Грибоедов утверждал, что вступил в «Вольное общество любителей российской словесности» именно за три дня до своего отъезда, т.е. в мае 1825 г. Документы архива Вольного общества свидетельствуют о том, что Грибоедов был предложен в действительные члены 8 декабря, а принят 15 декабря 1824 г., т.е. более чем за полгода до отъезда из Петербурга. См. об этом: Нечкина М.В. Следственное дело А.С. Грибоедова. М., 1982. С. 24 и сл. Ср.: Щеголев П.Е. А.С. Грибоедов и декабристы (по архивным мате-

не выдерживают проверки другими источниками³¹. Надежда на то, что показания не будут проверяться, оправдалась. Как показывает анализ следственных материалов, Грибоедов сознательно говорил неправду, утаивая некоторые факты и обстоятельства, служившие к его обвинению. При этом он старался формулировать свои ответы так, что для следствия они имели вполне убедительный вид. М.В. Нечкина пришла к выводу: «Сопоставление грибоедовских показаний с данными других источников опровергает утверждения Грибоедова»; они «рушатся под напором многих и разнообразных по характеру свидетельств»³².

Другой случай расследования, закончившегося оправданием, – дело адъютанта командующего Кавказским корпусом А.П. Ермолова Н.П. Воейкова. В январе 1826 г. следствие располагало данными об участии Воейкова в тайном обществе (показания Е.П. Оболенского, Н.М. Муравьева, И.Г. Бурцова)³³. Одновременно было получено точное и конкретное уличающее показание Н.И. Лорера: на допросе в Тульчине, после признания собственной принадлежности к тайному обществу, он сообщил: «Я был принят 1824 года <...> принял меня поручик Воейков лейб-гвардии Московского полка»³⁴. Лорер продолжил линию показаний о Воейкове на первом допросе в Петербурге, записанном В.В. Левашевым: «В 1824 году в мае месяце в Петербурге был я принят в тайное общество господином Воейковым и к[нязем] Оболенским...»³⁵. Арестованный Воейков отрицал эти показания. В заданных ему вопросных пунктах значилось: «Комитет, имея в виду, что вы постоянно находились в тесных связях с некоторыми из числа ревностных членов тайного общества и что вам известно было о существовании оно́го, требует чистосердечного показания вашего». Далее в вопросах раскрывалось, какие «ревностные члены» имелись в виду: следствие интересовало контакты Воейкова с А.И. Якубовичем и А.А. Бестужевым накануне и в день 14 декабря, а также знакомство с М.М. Нарышкиным: «Давно ли вы знакомы с Нарышкиным <...> Он ли первый или кто другой, при суждениях о положении России, склоняя разговор к цели своего общества, давал вам чувствовать, что есть люди, желающие лучшего порядка вещей и стремящиеся к достижению оно́го?». Воейков не согласился ни с одной из формулировок следствия: «В тесных связях с членами тайного общества я не был ни с кем, а что же касается до существования тайного общества, я никогда не знал и никогда и ни от кого об этом не слыхивал, в чем по чистой совести имею честь уверить»³⁶. Как видим, Воейков отрицал любую степень своего участия или даже осведомленности о конспиративном союзе. Отметим при этом, что следствие, располагая прямыми свидетельствами об участии адъютанта А.П. Ермолова не в предполагаемом Кавказском обществе, а во вполне реальном Северном (включая показание Лорера об участии Воейкова в его приеме, подкрепленное свидетельствами И.Г. Бурцова и Н.М. Муравьева), не стало немедленно «фабриковать» обвинение против вновь открытого адепта заговора, а формулировало свои вопросы в расплывчатой и смягченной форме. Очевидно, в этом случае следствие не проявило должной настойчивости и внимания к уличающим показаниям. Скорее всего, результатом этой двусмысленной ситуации стал выбор Воейкова в пользу тактики «полного отрицания» предъявленной информации и изложение описанных следствием фактов в выгодном для себя свете. Он продолжал категорически отрицать свою причастность к тайному обществу в какой бы то ни было форме вплоть до исхода своего дела: «Ни от кого предложения вступить в тайное общество я не слыхал <...> Никогда я не был принят ни в какое общество и о существовании оных равномерно никогда не слыхивал»³⁷. Защищая себя, он использовал один из

риалам) // *Щеголев П.Е.* Декабристы. С. 113–114; *Базанов В.Г.* Ученая республика. М.; Л., 1964. С. 336.

³¹ См. об этом: *Нечкина М.В.* Грибоедов и декабристы. М., 1977. С. 579–580.

³² *Нечкина М.В.* Грибоедов и декабристы... С. 456.

³³ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 48. Оп. 1. Д. 243. Л. 5 об., 25, 39 об.; ВД. Т. XX. С. 195. См. также: *Ильин П.В.* Николай Павлович Воейков: спасшийся декабрист // *Декабристы в Петербурге. Новые материалы и исследования.* СПб., 2009. С. 313–353.

³⁴ ВД. Т. XII. С. 34, 35 (запись допроса от 26 декабря 1825 г.).

³⁵ Там же. С. 36, 53.

³⁶ ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 187. Л. 4–4 об., 5.

³⁷ Там же. Л. 5 об.–6.

приемов переинтерпретации уличающих показаний, который состоял в том, что подозреваемый признавал наличие исключительно служебных и дружеских связей с арестованными, отвергая «политическое наполнение» имевших место встреч и, в целом, связей с заговорщиками. Так, Воейков писал: «Бывши в 1821-м году в С. Петербурге <...> с господином капитаном Нарышкиным <...> я был знаком. Но суждений о положении России и об улучшении порядка вещей, равно как и о людях, желающих перемен, я никогда не слышал...»³⁸ Встретив такое сопротивление, следствие обратилось к традиционному опросу главных свидетелей-подследственных. Часть опрошенных отозвалась неизвестностью о принадлежности Воейкова к тайному обществу (Пестель, Волконский, Трубецкой, Рылеев, И. Пущин)³⁹. Особое значение приобретали показания Оболенского и Нарышкина – тех, кто непосредственно был связан с Воейковым: первый, согласно показанию Лорера, принимал его в тайное общество вместе с Воейковым, а второй, по признанию Воейкова, входил в число его друзей. Оболенский в ответах, данных в связи с показаниями Бурцова, осторожно заметил, что Воейков, «кажется», состоял в тайном обществе, при этом Оболенский отказался быть уличающим свидетелем, ссылаясь на отсутствие личных контактов (что явно не соответствовало действительности). В отдельном показании о Воейкове Оболенский осторожно утверждал: «Поистине показать не могу, принадлежал ли к тайному обществу Воейков <...> но, кажется, известен был о существовании оногo, но как был он принят и когда именно, сего не помню и показать не могу. О намерениях наших на 14-е декабря он никем из наших членов (насколько мне известно) извещен не был, разве от капитана Якубовича, но я от сего последнего не слышал, чтобы он извещал его о сем». Оболенский также показал, что не был знаком с Воейковым, но «знал о нем единственно по прежним его дружеским сношениям с бывшим капитаном лейб-гвардии Московского полка Нарышкиным». Нарышкин ответил категоричным отрицанием: «Честь имею уведомить, что мне неизвестно, принадлежал ли штабс-капитан Воейков к обществу и какое принимал в оном участие»⁴⁰. Это показание вступает в противоречие с показаниями Оболенского, который располагал данными о причастности Воейкова к тайному обществу как раз по связям последнего с Нарышкиным. Следствие не придавало этому обстоятельству никакого значения, остановившись на выводе, благоприятном для Воейкова. 16 февраля в «журнале» Следственного комитета появилась запись: «Представить <...> к освобождению». Император согласился, и 20 февраля бывший подозреваемый был освобожден с «оправдательным аттестатом», как вполне оправданный⁴¹.

Пожалуй, наиболее наглядный пример переинтерпретации обвинительных показаний дает расследование о подполковнике Ахтырского гусарского полка И.А. Арсеньеве. Он уличался показаниями А.З. Муравьева (своего полкового командира) и М.И. Муравьева-Апостола, которые прямо свидетельствовали о его деятельном участии в Южном обществе. Полностью отвергая эти обвинения, Арсеньев категорически отрицал свое участие в политическом тайном союзе. Он также переопределил наиболее опасную с точки зрения обвинения информацию о своем разговоре с А.З. Муравьевым, которая содержалась в показаниях последнего. В ходе этого разговора, как недвусмысленно свидетельствовал автор уличающих показаний, со стороны Арсеньева прозвучало предложение присоединить Ахтырский полк к восставшему Черниговскому полку. В показаниях Арсеньева это предложение предстало как совет подготовить полк к походу против мятежников. С.И. Муравьев-Апостол и М.П. Бестужев-Рюмин, отвечая на запрос следствия, не подтвердили данные о вступлении в тайное общество Арсеньева. Следствие сочло первоначальные уличающие показания двух

³⁸ ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 187. Л. 5 об.

³⁹ Там же. Л. 13–19.

⁴⁰ Там же. Л. 9, 10–10 об., 11–11 об.

⁴¹ ВД. М., 1986. Т. XVI. С. 104, 109. Интересно, что в записи «журнала» Комитета от 16 февраля говорилось, что Н.П. Воейков «был взят по показанию о тайном обществе в Кавказском корпусе». Таким образом, след показаний об участии этого лица в декабристском обществе, обозначенный в свидетельствах Н.И. Лорера и других лиц, оказался утерянным и не отразился в итоговых документах следствия.

важных свидетелей недостаточными для обвинения, подполковник Арсеньев был признан невиновным и освобожден⁴².

Приведем еще один показательный случай нивелирования обвиняющих данных. Поручик Ф.Е. Врангель, согласно нескольким показаниям, в т.ч. принявшего его М.П. Бестужева-Рюмина, был присоединен к Южному обществу наряду с другими офицерами-артиллеристами. В отличие от своих товарищей, признавших на следствии свое членство или осведомленность о существовании тайного союза, Врангель упорно отвергал и то, и другое. Причем в своих показаниях он не отрицал факт знакомства с руководителями Васильковской управы, постоянного и оживленного дружеского общения с ними. Но каждое подобное утверждение он старался сопровождать различными оговорками, снижающими значение этих признаний. Сообщая, например, о своем знакомстве с С.И. Муравьевым-Апостолом и М.П. Бестужевым-Рюминым, Врангель одновременно замечал, что с ними «не был <...> близок», более того – избегал общения с последним, т.к. он производил «неприятное впечатление». Признавая, что не раз посещал обоих, он уверял, что ни о чем, кроме текущих служебных дел, с ними не говорил. Соглашаясь, что Бестужев-Рюмин уведомил его о желательности для России конституции и представительного правления, Врангель одновременно свидетельствовал о своих возражениях на эти слова собеседника, настаивая на том, что имел «образ мыслей», противоположный взглядам лидеров тайного общества. Встретив такую интерпретацию «разговоров» с Врангелем в его показаниях, Муравьев-Апостол и Бестужев-Рюмин в своих дальнейших показаниях предпочли ограничиться утверждением, что Врангель только готовился к вступлению в тайное общество, но полноценным членом не был⁴³. В результате Врангель был освобожден без всякого взыскания как «непричастный к злоумышленным обществам». Между тем из свидетельств участников собраний заговорщиков в Лещинском лагере (сентябрь 1825 г.) и его товарищей-артиллеристов явствовало, что Врангель присутствовал на этих собраниях в качестве полноправного члена, не раз посещал Муравьева-Апостола и Бестужева-Рюмина, вел с ними политические разговоры, знал о целях конспиративного союза, понимал его опасность, был осведомлен о замысле военного выступления⁴⁴. Показания прямо говорили о состоявшемся приеме Врангеля в тайное общество, причем из их содержания становилось понятно, что процедура приема была растянутой по времени. Главным фактором, оказавшим влияние на исход расследования, стала тактика защиты Врангеля на допросах и характер его оправдательных показаний. Завоевав доверие к своим словам признанием дружеских контактов с руководителями тайного общества, он сумел убедить следователей, что являлся принципиальным противником их намерений, цели декабристской конспирации и в особенности планов ее реализации. Несмотря на опасный характер политических разговоров, бывших у него с лидерами Васильковской управы, обвинительное значение этих показаний было сведено на нет заявлениями Врангеля о его несогласии с взглядами и намерениями руководителей тайного общества. В этих условиях следователи даже сочли излишним проведение очных ставок Врангеля с его обвинителями.

Первое показание полковника Ф.В. Вольского имело несомненно обвинительный характер для подпоручика гвардейской артиллерии А.М. Голицына, поскольку Вольский «открыл», что самолично принял его в тайное общество. Это показание стало основанием для ареста и допроса Голицына. Однако он полностью отверг свою принадлежность к тайному союзу, настаивая, что только слышал о его существовании от Вольского, но не выражал никакого согласия поступить в члены⁴⁵. В повторных показаниях Вольский, явно противореча своему первому сообщению и в полном согласии с показанием Голицына, заявил, что не получал от последнего согласия на вступление. Оказывается, Голицыну, который первоначально был назван им членом, он лишь «говорил» о существовании тайного союза, причем «только глухо». Интересно, что в журнале Следственного комитета было

⁴² ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 176. Л. 12–13, 2, 7–8, 10, 14; ВД. Т. IX. С. 270; Т. XI. С. 105; Т. XVI. С. 112.

⁴³ Там же. Д. 114. Л. 3–7 об.

⁴⁴ ВД. Т. IV. С. 280; Т. IX. С. 190, 226, 231; Т. XI. С. 331, 333; Т. XIX. С. 139–144, 147–148, 256.

⁴⁵ ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 209. Л. 1–3, 4–5; ВД. Т. XVIII. С. 211–213.

особо отмечено это существенное изменение в показаниях Вольского. Комитет, после рассмотрения поступивших показаний и составленной на их основе справки о Голицыне, пришел к решению об освобождении его от ответственности из-за отсутствия «вины». По мнению следователей, необходимо было «представить государю императору, что князь Александр Голицын к обществу не принадлежал и даже по сведению, которое имел о существовании оно, не мог подозревать противозаконной его цели»; резолюция императора гласила: «Выпустить»⁴⁶. Таким образом, Голицын, не отвергая установленный следствием факт разговора с Вольским и своей осведомленности о существовании политического тайного союза, постарался сделать все, чтобы лишить эти факты обвинительного значения. Он, прежде всего, настойчиво отрицал свое формальное членство в декабристской конспирации и, следовательно, организационную принадлежность к нему. Утверждая, что ему был открыт только факт существования общества и сообщена его цель (что в действительности являлось необходимым элементом процедуры приема), Голицын отводил вопрос о поступлении в число членов. Принципиально важным являлось и другое его утверждение: о том, что он не дал положительного ответа на предложение вступить в общество. Тем самым Голицын удостоверял, что его принятие не состоялось, и одновременно демонстрировал свое нежелание быть его членом. Наконец, отрицание постоянных и продолжительных контактов с Вольским демонстрировало случайность «разговора» о тайном обществе, его единичность, отсутствие устойчивых связей с заговорщиками. В итоге обвинительное значение «разговора» с Вольским предельно ослаблялось. Факт принятия в члены тайного общества заменялся расплывчатой формулировкой, согласно которой подозреваемому было лишь «открыто» существование декабристского союза и его «просветительская» цель, на что он ответил фактическим отказом стать членом. Категорическое отрицание Голицыным формального членства и декларируемое им отсутствие согласия на предложение стать участником тайного общества заслонили собой сам факт предложения, сделанного Вольским, равно как и первоначальное свидетельство об осуществленном им лично приеме нового члена.

В данном случае, как и в некоторых других (А.С. Грибоедов, Н.П. Воейков), можно предполагать влияние посторонних для расследования факторов на исход дела. Такому выводу придает основание то обстоятельство, что следствие немедленно «ухватилось» за изменение показаний Вольского, обвиняющих Голицына. Возможно, на благоприятный исход дела повлияли родственные связи последнего⁴⁷. Заметим, что содержание последующих показаний Вольского об этом эпизоде практически идентично основным элементам «линии защиты» Голицына, что заставляет предположить согласование показаний. Такого рода согласование показаний и выработка общей линии защиты произошли, как представляется, после ознакомления Вольского с предъявленными ему на устном допросе показаниями Голицына. Увидев из них, с какой последовательностью Голицын отрицает свою принадлежность к тайному обществу, сам факт принятия в члены, поняв, что следствие не имеет в своем распоряжении других уличающих данных, кроме его собственного свидетельства, Вольский решил изменить свои показания. Александр Голицын – один из наиболее ярких примеров участника тайного общества, избежавшего наказания благодаря занятой на следствии позиции полного отрицания своего членства в декабристской конспирации, а также в силу сокрытия товарищами по тайному обществу действительного характера его конспиративных связей.

Еще один случай успешного применения тактики полного отрицания мы находим в деле поручика лейб-гвардии Измайловского полка И.Ф. Львова. Он обвинялся в принадлежности к Северному обществу, знании целей заговорщиков и плана выступления 14 декабря; уличающие показания были даны одним из руководителей декабристского заговора Е.П. Оболенским. Казалось бы, в этом случае шансов «спастись» и получить оправ-

⁴⁶ ВД. Т. XVI. С. 174, 290. Справка о А.М. Голицыне не сохранилась (Там же. С. 366).

⁴⁷ Член Следственного комитета А.Н. Голицын, близкий к императорской семье, приходился родным дядей как А.М. Голицыну, так и его младшему брату В.М. Голицыну (виновность которого, согласно полученным показаниям, оказалась более серьезной – он был предан Верховному уголовному суду).

дательный вердикт следствия у обвиняемого не так уж много. Тем не менее дело решилось именно так. Арестованный вследствие показаний Оболенского Львов занял позицию полного отрицания. Оболенский включил в представленный им обширный список членов тайного общества фамилию Львова и в пояснение сообщил: «Львов и Кожевников приняты за несколько дней до 14-го декабря и, не командуя ротами, должны были действовать лично». Речь, таким образом, шла ни много ни мало об участии в военном мятеже. Кроме того, один из руководителей тайного общества и заговора 14 декабря показал, что о существовании декабристского союза и его цели Львову сообщили сначала Н.П. Кожевников (полковой товарищ Львова), а затем Я.И. Ростовцев⁴⁸. Однако на допросе и в письменных показаниях Львов категорически отверг не только свое участие в тайном союзе, но и какую-либо степень осведомленности о нем⁴⁹. Комитет решил: «...Хотя обвинение не сильно, однако для большего удостоверения, что он не ложно отрицается, уличить его очными ставками с князем Оболенским и Кожевниковым и, если Его Императорское Величество дозволит, с поручиком Ростовцевым...»⁵⁰. Это решение не было реализовано, очные ставки с Оболенским, Ростовцевым и Кожевниковым не проводились. В связи с полученными уличающими данными Львов был допрошен повторно: следствие пыталось выяснить степень его осведомленности о планах 14 декабря. Он продолжал отрицать свою принадлежность к тайному обществу, отвергать главное уличающее показание Оболенского о вступлении в конспиративный союз и знании планов заговорщиков, касающихся подготовки восстания, Ростовцев, призванный к допросу неарестованным, отвергал собственное участие в заговоре, поэтому отозвался незнанием о причастности к нему Львова. В результате, после рассмотрения показаний Львова, Кожевникова и Ростовцева следствие постановило представить императору об освобождении Львова, как признанного невиновным⁵¹. Между тем от Оболенского продолжала исходить уличающая Львова информация: в его дополнительных показаниях речь шла о том, что автор показания на квартире Ростовцева самолично объявил Львову о планах заговорщиков и намерениях на 14 декабря⁵². Показания Оболенского безоговорочно подтверждали состоявшийся прием Львова в тайное общество, осуществленный двумя лицами при участии самого обвинителя. Но позиция Львова, заявленная на допросах и в письменных показаниях, оставалась неизменной на протяжении всего расследования его дела. Он отрицал любую связь с тайным обществом и заговором, переводя свидетельства о контактах с членами декабристского союза в плоскость служебных и личных дружеских отношений. Следует признать, что такая позиция в ситуации, когда другие свидетели отрицали уличающие показания (Ростовцев был вызван для допроса неарестованным и отверг какую-либо степень своей осведомленности о заговоре, соответственно не мог ничего сказать о «виновности» Львова; защитная линия Кожевникова отличалась тем, что он не признавал свое формальное членство в тайном обществе почти до конца следствия), оказалась успешной, поскольку способствовала официальному оправданию.

Анализ этих и других аналогичных исходов расследования (всего их насчитывается более сорока)⁵³ показывает, что главными условиями успеха тактики «полного отрицания» являлись отсутствие большого количества уличающих свидетельств, последовательно проведенное отрицание этих свидетельств или их переинтерпретация, снижающая обвинительное значение предъявляемых показаний. В основном «полное отрицание» оказалось результативной тактикой защиты для тех подсудимых, кто был связан конспиративными контактами с ограниченным числом лиц, не проявлял заметной активности в тайных союзах, не участвовал в наиболее «криминальных» с точки зрения следствия эпизодах в истории декабристских обществ. Помимо «линии поведения», избранной обвиняемым, немало-

⁴⁸ ВД. М.; Л., 1925. Т. I. С. 239; Т. II. С. 372; ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 196.

⁴⁹ ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 196. Л. 4–4 об.; ВД. Т. XVI. С. 73.

⁵⁰ ВД. Т. XVI. С. 86.

⁵¹ Там же. С. 110, 114.

⁵² ВД. Т. I. С. 245, 249.

⁵³ См. подробнее: Ильин П.В. Новое о декабристах... С. 348.

важное значение имела позиция основных свидетелей, опрошенных в ходе расследования. Если они шли навстречу оправдательной линии, занятой подследственным, то шансы на благоприятный исход возрастали, в противном случае – обвиняемого ожидал повторный допрос или очные ставки. Заметную роль играло сокрытие обвиняющей информации основными свидетелями-обвинителями, их заинтересованность в ограничении числа уличающих данных. И то, и другое постоянно фиксируется в показаниях даже главных обвиняемых, при всей заявленной ими «полной откровенности». Заинтересованность в сокрытии части фактов и обстоятельств, вероятнее всего, была связана как с наиболее опасными, с точки зрения обвинения, событиями и планами, так и с соображениями морально-нравственного порядка (не усиливать «вину» других лиц).

Существенное влияние на оправдание ряда лиц, против которых были получены недвусмысленные уличающие показания о принадлежности к «злоумышленному обществу», оказало фактическое прекращение (или сворачивание) расследования по ряду сюжетов (деятельность Союза благоденствия и его дочерних организаций, Кавказское и Малороссийское тайные общества, встречи А.С. Грибоедова в Киеве с членами Южного общества и т.д.). Определенное значение в некоторых случаях, как можно предполагать, имели посторонние для расследования факторы, ослаблявшие внимание и настойчивость следователей (близость обвиняемого к императорской семье, личное мнение о нем Николая I, воздействие влиятельных родственников, общая политика следствия и особые соображения высшей власти)⁵⁴.

Подводя итог рассмотрению основных «линий поведения» декабристов на следствии, следует отметить, что есть все основания полагать, что значительной части подследственных, оправданных в ходе и по итогам процесса, удалось ввести следователей в заблуждение и «выйти сухими из воды». Указания на предварительные соглашения (сговор) будущих обвиняемых о сокрытии реальных обстоятельств, отраженные в различных источниках (как в документах следствия, так и в мемуарах), красноречиво говорят о том, что существовал реальный «предмет умолчания» – будущие подследственные договаривались не открывать перед следствием факт существования политического заговора, в котором они состояли.

Главной причиной признания невиновными целой группы арестованных, которым предъявлялось обвинение в принадлежности к тайному обществу и военному заговору со знанием политических целей, – нужно признать их «линию защиты», благодаря которой имевшиеся обвинительные показания были сочтены недостоверными.

Материалы следствия содержат недвусмысленные указания, которые правомерно трактовать как ложное отрицание уличающих данных или их сокрытие. Фактически это означало отказ от формулировок следствия и непринятие предъявляемых обвинений, что подразумевает определенную свободу выбора защитного поведения подследственных и является одним из определяющих признаков отсутствия тотальной фабрикации дела.

* * *

Сделанные наблюдения и представленный материал приобретают особую актуальность в контексте современной историографической ситуации. Интерпретация следственных материалов, трактовка содержания показаний декабристов (как «откровенных», так и «сдержанных», вплоть до «полного отрицания») претерпели необычную, хотя в некотором отношении и предсказуемую эволюцию. Если дореволюционные и в особенности советские историки наибольшее внимание уделяли показаниям, данным в ходе следствия главными обвиняемыми, в т.ч. «безнадёжно уличенными» – теми, кто придерживался тактики полного или частичного признания обвинения (часть из них, как мы указывали ранее, пошла на свое-

⁵⁴ Например, речь идет о фактическом запрете на официальное расследование связей декабристов с высшими государственными и крупными военными деятелями (М.М. Сперанский, А.П. Ермолов, П.Д. Киселев и др.). На последних этапах работы следствия заметно его стремление ограничить круг обвиняемых и не привлекать к процессу, по его оценке, «мало замешанных» (Ильин П.В. Новое о декабристах... С. 87–88, 134).

образное соглашение со следствием), – то современные авторы обратили внимание на тех, кто имел возможность не уступить в этом поединке со следствием и придерживался линии «полного отрицания»⁵⁵. При этом не обошлось без выдвижения спекулятивных⁵⁶ «версий» и «концепций», претендующих на глобальный пересмотр всего, что было сделано исследователями прежде.

Если для предшествующей историографии свойственна модель описания, сводившая поведение основной массы подследственных к схеме, согласно которой под воздействием «раскаяния» и нестойкости, под усиленным напором следствия декабристы «признавались» и открывали в своих показаниях «правду» о тайном обществе и военном заговоре 1825 г. (т.е. отражали факты и события, соответствующие тому, что имело место в действительности, фиксирующие «как все было на самом деле»), то в последние годы появился прямо противоположный концепт, который претендует на «смену парадигм» в изучении едва ли не всей истории декабризма⁵⁷.

Согласно этому концепту, следствие навязывало арестованным свои формулировки и придумало само существование конспиративного союза, заставляя обвиняемых признаваться в том, чего не было. Другими словами, речь идет о полной фабрикации «дела декабристов», масштабной фальсификации самого существования тайного общества и его деятельности, аналогичной судебным процессам, инсценированным тоталитарными государственными машинами XX в.

Если в традиционной методике изучения декабристского следствия наибольшая достоверность придавалась радикальным признаниям в революционных планах и замыслах (цареубийство, введение республики), то в «новой парадигме», сконструированной Н.Д. Потаповой, – заслуживающими абсолютного доверия считаются первоначальные отрицания и «запирательства», а последующие «признания» предстают как набор формулировок, полностью навязанных следствием. Отрицания трактуются как истина в последней инстанции ровно в той же степени, как это делалось в советской историографии с показаниями П.И. Пестеля и некоторых других главных обвиняемых о преследовании тайными обществами «революционной цели» на протяжении всего их существования⁵⁸. Показания с полным или частичным признанием «вины» оказываются продуктом фальсификации, сочиненной следователями и навязанной всем тем, кто оказался привлеченным к следствию. Остается лишь удивляться степени детализации внутренней истории тайных союзов в этой заранее существовавшей в голове у руководителей следствия масштабной инсценировке, а также готовности значительной массы арестованных воспроизводить эту придуманную историю в многочисленных подробностях практически без сопротивления, во многих случаях – с первого допроса, снятого В.В. Левашовым⁵⁹.

⁵⁵ См.: Ильин П.В. Новое о декабристах... Гл. 1, 2.

⁵⁶ То есть заранее сформулированных и развиваемых без должной опоры на документальные свидетельства, либо с использованием специально подобранных и предвзято истолкованных указаний источников.

⁵⁷ См.: Потапова Н.Д. Трибуны сырых казематов: политика и дискурсивные стратегии в деле декабристов. СПб., 2017; а также ранее изданные статьи: Потапова Н.Д. Что есть истина? Критика следственных показаний и смена исторических парадигм // Исторические записки. 2000. Вып. 3 (121). С. 285–329; Потапова Н.Д. Основания к расследованию деятельности «тайного общества» в конце 1825 г.: фальсификация дела // Проблемы социального и гуманитарного знания. СПб., 1999. Вып. 1. С. 95–127.

⁵⁸ ВД. Т. XIX. С. 39–40 (показания П.И. Пестеля в деле И.Н. Хотьянцева). Ср.: Нечкина М.В. Движение декабристов. М., 1955. Т. 1. С. 192.

⁵⁹ Н.Д. Потапова решает даже объявить показания едва ли не большинства декабристов «выбитыми на следствии», проводя тем самым прямую аналогию с постановочными процессами периода сталинских репрессий (Потапова Н.Д. Трибуны сырых казематов... С. 164). Не говоря уже о том, что достоверных данных о применении пыток и других крайних мер физического давления до сих пор обнаружить не удалось, остается неясным, почему с одними обвинительными данными арестованные соглашались, а другие категорически отвергали – видимо, масштабная организованная «фабрикация дела» страдала большими изъянами. Кроме того, как мы видели, организаторы тотальной инсценировки по каким-то причинам не смогли «подвести под приговор» значительную часть обвиняемых, против которых были получены вполне доказательные уличающие показания.

Создателю «новой парадигмы» с трудом удастся формулировать ответ на вопрос, что же стояло в реальности за якобы полностью сфабрикованной властью «химерой» тайных обществ. Были ли в действительности в русском обществе противники неограниченного самодержавия и сторонники конституционного строя? Что объединяло привлеченную к следствию весьма пеструю и многочисленную группу офицеров, гражданских чиновников и отставных служащих? Почему были знакомы между собой и коммуницировали на политические темы офицеры гвардии и армии, чиновники и помещики самого разного социального и культурного облика, представлявшие различные страты внутри дворянского сословия, если не существовало политических тайных союзов? Отвечая на эти вопросы, амбициозный автор испытывает большие затруднения и впадает в противоречия в рамках сочиненной им схемы, призванной, по-видимому, опровергнуть все, что было написано ранее. Так, конечным итогом размышлений Н.Д. Потаповой на этот счет становятся некие «светские» (!?) знакомства, которые вели к формированию в русском обществе «коллективных солидарностей» по некоторым политическим вопросам⁶⁰. Очевидно, по мнению автора, именно на светских вечерах и в легком мимолетном общении удобнее всего говорить на опасные политические темы, осуществлять поиск единомышленников, обсуждать возможность военного выступления.

Следуя своей недоказанной аксиоме о тайном обществе, сочиненном на следственном процессе и не существовавшем в действительности, Н.Д. Потапова формулирует: «Следствие искусственно объединяло лиц... случайно попавших в его поле зрения», – снова и снова смешивая следствие по делу декабристов с инсценированными процессами XX в.⁶¹ Размашистая фраза о «случайно» попавших в поле зрения обвиняемых показывает, что в схеме, навязываемой Н.Д. Потаповой читателю, полностью игнорируется известный по материалам следствия механизм принятия решений об аресте, а набор реальных связей, фиксируемый в следственных показаниях, отбрасывается за ненадобностью. Подавляющее большинство привлеченных к следствию лиц связывали между собой личные и служебные отношения, они контактировали между собой как единомышленники и собеседники.

При этом автор не замечает, к чему приводят те постулаты, которыми он пытается оперировать. Действительно, если в рамках «новой парадигмы» подследственные послушно принимали формулировки следствия и покорно соглашались «сочинить» историю тайных обществ, полностью навязанную следователями, а затем неоднократно повторяли этот искусственный нарратив в своих письмах, мемуарах и сочинениях, то никакого смелого и героического противостояния с властью и следствием обнаружить здесь невозможно (вопреки тому, о чем пишет Н.Д. Потапова)⁶² – перед нами только безвольно принявшие «версию следствия», случайно попавшие под секиру репрессий и сломленные на всю жизнь «светские молодые люди».

Излишне говорить, что автор «новой парадигмы» отвергает свидетельства целых видов исторических источников – не принимаются во внимание доносы на тайные общества, сохранившиеся программные и уставные документы декабристских союзов, конституционные проекты, уникальные письма декабристов 1810–1820-х гг., синхронные существованию тайных организаций. Разумеется, отброшенными и ненужными оказываются мемуарные и публицистические свидетельства декабристов⁶³ и многих их современников, – все

⁶⁰ Потапова Н.Д. Трибуны сырых казематов... С. 274.

⁶¹ Там же. С. 393.

⁶² Там же. С. 403.

⁶³ В этом отношении не представляют исключения мемуары тех декабристов, кто избежал суда и не был сослан в Сибирь. Так, эмигрант Н.И. Тургенев в своем известном сочинении «Россия и русские» не отрицал факт существования конспиративных союзов и их политический характер, не считал тайное общество выдуманным на следствии, но отказывался смотреть на него как на радикально-революционный заговор на всем протяжении существования. Он полагал, что в деятельности тайных обществ не было ничего, что могло бы составить обвинение в «государственном преступлении». Эта позиция во многом близка той, которой придерживались на следствии Ф.Н. Глинка и другие «ветераны» Союза благоденствия (Тургенев Н.И. Россия и русские. М., 2001. С. 110–117, 158–162).

это никак не вписывается в новый концепт, на глазах теряющий свою научность, объективность и обоснованность.

При этом не следует думать, что предложенная «новаторская концепция» Н.Д. Потаповой использует доброкачественный анализ документов следствия и опирается на результаты непредвзятой критики следственных показаний. Это не так – в ее основу положена подгонка избранных автором свидетельств под нужный результат, подчинение отобранных свидетельств первоисточников заранее принятой интерпретационной схеме, что вполне свойственно спекулятивным конструкциям.

В целом данную попытку пересмотра существующих представлений о процессе декабристов приходится признать крайне неудачной и несостоятельной. В книге Н.Д. Потаповой читатель не найдет критического анализа следственных показаний, источниковедческих соображений, рассмотрения общей политики следствия и защитных стратегий обвиняемых. Попытка «переопределения» трактовок следственных показаний не отличается научной объективностью и полнотой, по сути своей тенденциозна и противоречит известным фактам и документам. Книга, представленная как научная монография, далека от принципов строгой научной работы и являет собой некое эссе культурологического характера, говорящее больше о самом авторе, нежели о той исторической эпохе, которой оно посвящено.

Следует подчеркнуть: нет никаких оснований считать процесс по делу декабристов инсценировкой. Столь радикальный посыл ничем не обоснован, кроме убежденности автора в том, что едва ли не каждый политический процесс должен быть сфабрикованным. Как показано в настоящей статье, утверждение Н.Д. Потаповой о том, что следствие навязало обвинительные формулировки основной массе подсудимых, не соответствует действительности. Впрочем, огромную массу декабристских «признаний» и полупризнаний с их разнообразным спектром позиций и отразившимися в них различными вариантами защитной тактики – конструктор «новой парадигмы» просто игнорирует, объявляя любое показание о существовании тайных обществ фальсифицированным.

* * *

Затронутый в данной статье вопрос о различных вариантах защитного поведения подсудимых на процессе декабристов имеет значение как для критического анализа следственных показаний, так и для характеристики самого следствия в целом. Приведенные свидетельства источников позволяют прийти к важным наблюдениям над общим характером судебно-следственного процесса 1825–1826 гг., отвергнув несостоятельные попытки спекулятивного пересмотра научно-объективного подхода к анализу материалов следствия.

В настоящей статье показано, что абсолютное доверие к отрицанию подсудимыми обвинительных данных не может считаться обоснованным. Особенно это касается лиц, в отношении которых имелись прямые показания об их участии в тайных обществах. Воспроизведение «оправдательных вердиктов» следователей должно смениться внимательным анализом всех полученных в ходе процесса свидетельств.

Сам факт отразившихся в материалах следствия нескольких «линий защиты» свидетельствует о возможности выбора, которая имела у арестованных. Они могли соглашаться с теми или иными обвинительными или оправдательными показаниями или отрицать их. И хотя далеко не всем из подсудимых удалось остаться в рамках «полного отрицания», тем не менее обращение к материалам следствия показывает, что тактика осторожных «полупризнаний» тоже приносила свои плоды, ослабляя обвинение. Соккрытие подлинных обстоятельств, отрицание уличающих данных, как мы видели, нередко способствовали уменьшению виновности и смягчению наказания, к этой же цели стремились те, кто прибегал к нивелированию обвинительных показаний, их переинтерпретации.

Сделанные наблюдения говорят о том, что подсудимые не были аморфной массой, пассивно подчинявшейся политике следствия и безропотно уступавшей ей, принимая те или иные формулировки на допросах и в показаниях. Указания источников, свидетельствующие о предварительном сговоре обвиняемых, согласовании «линии поведения», сокрытии

опасных обстоятельств (включая сам факт существования тайного союза), заведомо ложных показаниях, красноречиво подтверждают такое заключение.

Большому количеству обвиняемых, в т.ч. преданных суду и наказанных без суда, удалось так или иначе отвергнуть или смягчить предъявленные обвинения, что не характерно для фальсифицированных дел. Наличие целой категории обвиняемых, сумевших избежать наказания с помощью определенной тактики защиты, говорит об отсутствии признаков фабрикации. Достаточно много случаев, когда отрицание или «запирательство» были сочтены следствием обоснованными и достоверными. Все эти доводы демонстрируют отсутствие качественных признаков тотальной инсценировки дела.

В заключение нельзя не отметить, что методы и подходы к изучению и интерпретации следственных показаний как важнейшего источника по истории тайных обществ, оказывают определяющее влияние на освещение истории декабристского движения. Фактографическая картина, получаемая по результатам анализа и сопоставления документов следствия (в первую очередь показаний арестованных), становится основой для реконструкции истории декабристских союзов, отдельных эпизодов в хронике конспиративных связей, событий заговора и военных выступлений 1825 г. От авторского подхода к изучению следственных показаний, объективного и непредвзятого анализа политики и прагматики следствия, защитных стратегий подследственных, от учета условий возникновения конкретного показания, его места в общем комплексе следственных материалов – зависит, насколько корректно и объективно будут отражены факты и обстоятельства, имевшие место в исторической реальности. В связи с этим появление необоснованных версий спекулятивного характера, игнорирующих или искажающих документальный материал, подгоняющих его под определенную заданную схему, не приближает нас к аутентичному историческим реалиям взгляду на феномен политических тайных обществ 1815–1826 гг., а, напротив, отдаляет.

На современном этапе изучения истории декабризма становится все более очевидным, что только непредвзятый критический анализ комплекса следственных показаний во всей его полноте может послужить надежной основой для научной реконструкции истории декабристской конспирации как особого направления в русской общественной жизни первой четверти XIX в.

Литература

Базанов В.Г. Ученая республика. М.; Л.: Наука, 1964. 466 с.

Басаргин Н.В. Воспоминания, рассказы, статьи. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1988. 542 с.

Боленко К.Г., Самовер Н.В. Верховный уголовный суд 1826 года: декабристская версия в историографической традиции // Пушкинская конференция в Стэнфорде: мат-лы и исследования. М.: ОГИ, 2001. С. 143–170.

Восстание декабристов. Материалы: под общ. ред. М.Н. Покровского. М.; Л.: ГИ, 1925. Т. I. 542 с.

Восстание декабристов. Материалы: под общ. ред. М.Н. Покровского. М.; Л.: ГИ, 1926. Т. II. 424 с.

Восстание декабристов. Материалы: под общ. ред. М.Н. Покровского. М.; Л.: ГИ, 1927. Т. III. 446 с.

Восстание декабристов. Материалы: под общ. ред. М.Н. Покровского. М.; Л.: ГИ, 1927. Т. IV. 486 с.

Восстание декабристов. Материалы: под ред. М.В. Нечкиной. М.: Госполитиздат, 1950. Т. IX. 308 с.

Восстание декабристов. Материалы: под ред. М.В. Нечкиной. М.: Госполитиздат, 1953. Т. X. 336 с.

Восстание декабристов. Материалы: под ред. М.В. Нечкиной. М.: Госполитиздат, 1954. Т. XI. 436 с.

Восстание декабристов. Материалы: под ред. М.В. Нечкиной. М.: Наука, 1969. Т. XII. 476 с.

Восстание декабристов. Материалы: под ред. М.В. Нечкиной. М.: Наука, 1975. Т. XIII. 472 с.

Восстание декабристов. Материалы: под ред. М.В. Нечкиной. М.: Наука, 1976. Т. XIV. 508 с.

Восстание декабристов. Материалы: под ред. М.В. Нечкиной. М.: Наука, 1980. Т. XVII. 296 с.

Восстание декабристов. Материалы: под ред. М.В. Нечкиной. М.: Наука, 1984. Т. XVIII. 368 с.

Восстание декабристов. Материалы: под ред. М.В. Нечкиной. М.: Наука, 1986. Т. XVI. 400 с.

Восстание декабристов. Материалы: под ред. В.П. Козлова, С.В. Мироненко. М.: РОССПЭН, 2001. Т. XIX. 528 с.

Восстание декабристов. Материалы: под ред. В.П. Козлова, С.В. Мироненко. М.: РОССПЭН, 2001. Т. XX. 592 с.

Дружинин Н.М. Декабрист Никита Муравьев // Дружинин Н.М. Революционное движение в России XIX в. М.: Наука, 1985. С. 5–304.

Завалишин Д.И. Воспоминание о Грибоедове // Грибоедов в воспоминаниях современников. М.: Художественная литература, 1980. С. 153–174.

Зубков В.П. Рассказ о моем заключении в Санкт-Петербургской крепости // Петропавловская крепость: Страницы истории. СПб.: АРТ-ПАЛАС, 2001. С. 183–216.

Ильин П.В. Новое о декабристах. Прощенные, оправданные и необнаруженные следствием участники тайных обществ и военных выступлений 1825–1826 гг. СПб.: Нестор-История, 2004. 664 с.

Ильин П.В. Обманувшие следствие: к изучению методов и приемов защиты обвиняемых на процессе декабристов 1825–1826 гг. // Отечественная история и историческая мысль XIX–XX веков: сб. ст. к 75-летию Алексея Николаевича Цамутали. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 185–195.

Ильин П.В. Николай Павлович Воейков: спасшийся декабрист // Декабристы в Петербурге. Новые материалы и исследования: сб. публикаций и исследований. СПб.: Изд-во ДНК, 2009. С. 313–353.

Нечкина М.В. Движение декабристов. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 1. 484 с.

Нечкина М.В. Грибоедов и декабристы. М.: Художественная литература, 1977. 735 с.

Нечкина М.В. Следственное дело А.С. Грибоедова. М.: Мысль, 1982. 102 с.

Потапова Н.Д. Основания к расследованию деятельности «тайного общества» в конце 1825 г.: фальсификация дела // Проблемы социального и гуманитарного знания: сб. науч. работ. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 1999. Вып. 1. С. 95–127.

Потапова Н.Д. Что есть истина? Критика следственных показаний и смена исторических парадигм // Исторические записки. 2000. Вып. 3 (121). С. 285–329.

Потапова Н.Д. Трибуны сырых казематов: политика и дискурсивные стратегии в деле декабристов. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2017. 416 с.

Пуцин М.И. Из «Записок» // Пуцин И.И. Записки о Пушкине. Письма. М.: Правда, 1989. С. 401–421.

Тургенев Н.И. Россия и русские. М.: ОГИ, 2001. 742 с.

Федоров В.А. «Своей судьбой гордимся мы»: следствие и суд над декабристами. М.: Мысль, 1988. 300 с.

Щеголев П.Е. Декабристы. М.; Л.: ГИ, 1926. 362 с.

Якушкин И.Д. Мемуары, статьи, документы. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1993. 400 с.

References

Basargin, N.V. (1988). *Vospominaniya, rasskazy, statii* [Memories, stories, articles]. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izd-vo. 542 p.

Bazanov, V.G. (1964). *Uchenaya respublika* [The Enlightened Republic]. Moscow; Leningrad, Nauka. 466 p.

Bolenko, K.G., Samover, N.V. (2001). Verkhovnyy ugolovnyy sud 1826 goda: dekabristskaya versiya v istoriograficheskoy traditsii [The Supreme criminal court of 1826: the Decembrists version in the historiographical tradition]. In *Pushkinskaya konferentsiya v Stenforde. Materialy i issledovaniya*. Moscow, pp. 143–170.

Druzhinin, N.M. (1985). Dekabrist Nikita Murav'ev [Decembrist Nikita Muravyov]. In *Druzhinin N.M. Revoliutsionnoe dvizhenie v Rossii XIX v.* Moscow, pp. 5–304.

Fedorov, V.A. (1988). “Svoei sud’boi gordimsya my”: Sledstvie i sud nad dekabristami [“We are proud of our fate”: Investigation and trial of the Decembrists]. Moscow, Mysl. 300 p.

Ilyin, P.V. (2004). *Novoe o dekabristakh. Proshchennye, opravdannye i neobnaruzhennye sledstviem uchastniki tainykh obshchestv i voennykh vystupleniy 1825–1826 gg.* [New about the Decembrists. Pardoned, justified, and undetected by the investigation participants of secret societies and military actions of 1825–1826]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya. 664 p.

Ilyin, P.V. (2006). Obmanuvshie sledstvie: k izucheniyu metodov i priemov zashchity obviniaemykh na protsesse dekabristov 1825–1826 gg. [Those who deceived the Investigation: to study the methods and techniques of defending the accused at the trial of the Decembrists in 1825–1826]. In *Otechestvennaya istoriya i istoricheskaya mysl XIX–XX vekov: Sbornik statei k 75-letiyu A.N. Tsamutali*. St. Petersburg, pp. 185–195.

Ilyin, P.V. (2009). Nikolay Pavlovich Voe ikov: spasshiysia dekabrist [Nikolay Pavlovich Voeykov: the surviving Decembrist]. In *Dekabristy v Peterburge. Novye materialy i issledovaniya*. St. Petersburg, pp. 313–353.

Kozlov, V.P., Mironenko, S.V. (Eds.). (2001). Vosstanie dekabristov. Materialy [Decembrists uprising. Materials]. Moscow, ROSSPEN, vol. XIX. 528 p.

Kozlov, V.P., Mironenko, S.V. (Eds.). (2001). Vosstanie dekabristov. Materialy [Decembrists uprising. Materials]. Moscow, ROSSPEN, vol. XX. 592 p.

Nechkina, M.V. (1955). *Dvizhenie dekabristov* [The movement of the Decembrists]. Moscow, Izd-vo AN SSSR, vol. 1. 484 p.

Nechkina, M.V. (1977). *Griboedov i dekabristy* [Griboyedov and the Decembrists]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. 735 p.

Nechkina, M.V. (1982). *Sledstvennoe delo A.S. Griboedova* [Investigative case of A.S. Griboyedov]. Moscow, Mysl. 102 p.

Nechkina, M.V. (Ed.). (1950). Vosstanie dekabristov. Materialy [Decembrists uprising. Materials]. Moscow, Gospolitizdat, vol. IX. 308 p.

Nechkina, M.V. (Ed.). (1953). Vosstanie dekabristov. Materialy [Decembrists uprising. Materials]. Moscow, Gospolitizdat, vol. X. 336 p.

Nechkina, M.V. (Ed.). (1954). Vosstanie dekabristov. Materialy [Decembrists uprising. Materials]. Moscow, Gospolitizdat, vol. XI. 436 p.

Nechkina, M.V. (Ed.). (1969). Vosstanie dekabristov. Materialy [Decembrists uprising. Materials]. Moscow, Nauka, vol. XII. 476 p.

Nechkina, M.V. (Ed.). (1975). Vosstanie dekabristov. Materialy [Decembrists uprising. Materials]. Moscow, Nauka, vol. XIII. 472 p.

Nechkina, M.V. (Ed.). (1976). Vosstanie dekabristov. Materialy [Decembrists uprising. Materials]. Moscow, Nauka, vol. XIV. 508 p.

Nechkina, M.V. (Ed.). (1980). Vosstanie dekabristov. Materialy [Decembrists uprising. Materials]. Moscow, Nauka, vol. XVI. 296 p.

Nechkina, M.V. (Ed.). (1984). Vosstanie dekabristov. Materialy [Decembrists uprising. Materials]. Moscow, Nauka, vol. XVIII. 368 p.

Nechkina, M.V. (Ed.). (1986). Vosstanie dekabristov. Materialy [Decembrists uprising. Materials]. Moscow, Nauka, vol. XVI. 400 p.

Pokrovskiy, M.N. (Ed.). (1925). Vosstanie dekabristov. Materialy [Decembrists uprising. Materials]. Moscow; Leningrad, GI, vol. I. 542 p.

Pokrovskiy, M.N. (Ed.). (1926). Vosstanie dekabristov. Materialy [Decembrists uprising. Materials]. Moscow; Leningrad, GI, vol. II. 424 p.

Pokrovskiy, M.N. (Ed.). (1927). Vosstanie dekabristov. Materialy [Decembrists uprising. Materials]. Moscow; Leningrad, GI, vol. III. 446 p.

Pokrovskiy, M.N. (Ed.). (1927). Vosstanie dekabristov. Materialy [Decembrists uprising. Materials]. Moscow; Leningrad, GI, vol. IV. 486 p.

Potapova, N.D. (1999). Osnovaniya k rassledovaniyu deiatelnosti “tainogo obshchestva” v kontse 1825 g.: falsifikatsiya dela [Grounds for the investigation of the “Secret Society” at the end of 1825: Falsification of the case]. In *Problemy sotsialnogo i gumanitarnogo znaniya. Sbornik nauchnykh rabot*. St. Petersburg, vol. 1, pp. 95–127.

Potapova, N.D. (2000). Chto est' istina? Kritika sledstvennykh pokazaniy i smena istoricheskikh paradig [What is Truth? Criticism of investigative evidence and changing historical paradigm]. In *Istoricheskiye zapiski*. Vol. 3 (121), pp. 306–329.

Potapova, N.D. (2017). *Tribuny syrykh kazematov: politika i diskursivnye strategii v dele dekabristov* [Speaking from their Cells: Discourse and political strategies of the Decembrists]. St. Petersburg, Izd-vo Evropeiskogo un-ta v Sankt-Peterburge. 416 p.

Pushchin, M.I. (1989). Iz “Zapisok” [From the Notes]. In *Pushchin I.I. Zapiski o Pushkine. Pisma*. Moscow, pp. 401–421.

Shchegolev, P.E. (1926). *Dekabristy* [The Decembrists]. Moscow; Leningrad, OGI. 362 p.

Turgenev, N.I. (2001). *Rossiya i russkie* [Russia and Russians]. Moscow, OGI. 742 p.

Yakushkin, I.D. (1993). *Memuary. Statii. Dokumenty* [Memoirs, articles, documents]. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izd-vo. 400 p.

Zavalishin, D.I. (1980). Vospominanie o Griboedove [Memories of Griboyedov]. In *Griboedov v vospominaniyakh sovremennikov*. Moscow, pp. 153–174.

Zubkov, V.P. (2001). Rasskaz o moem zakliuchenii v Sankt-Peterburgskoy kreposti [The story of my imprisonment in the St. Petersburg fortress]. In *Petropavlovskaya krepost: Stranitsy istorii*. St. Petersburg, pp. 183–216.

Статья поступила в редакцию 09.09.2020 г.